

В комплексе культурной революции и культурного строительства на Украине вопросы национальной культуры стоят в центре общественного внимания.

Однако, если мы всмотримся повнимательнее в то содержание, какое вкладывается в понятие "национальной культуры" на разных участках и на разных стадиях культурно-строительного процесса, мы не сможем не заметить существенного и даже коренного различия между тем содержанием, какое вкладывается в это определение в стадии установки и тем содержанием, какое подставляется в это определение на крупнейших участках культурно-строительной практики.

В решениях и директивах, в речах, статьях руководящего характера, в незначительных исключениях, мы не встретим отклонений от классовой линии; здесь понятия культурной революции и овладения украинскими национальными формами культуры даются, как единый классово-строительный комплекс: они включают все области технической и интеллектуальной культуры класса-хозяина, класса-строителя: овладение производством, планированием, организационными методами, наукой, искусствами, прикладными знаниями и умениями, — и все это на той реальной украинской базе, в тех украинских национальных формах, в каких только и мыслили массовый культурный под"ем украинского трудового крестьянства, прочность и органичность рабоче-крестьянской омычки и обеспечение культурного водительства за пролетариатом.

Однако, как только лозунги переходят из области директивных установок в область реализации, — к литературе, к театру, различным видам искусства, даже к теоретическим толкованиям и интерпретациям в среде интеллигенции — как из них с поразительным упорством и последовательностью начинают выпадать элементы классового содержания, социалистически-строительной целевой установки, и остается одна национальная форма с упорнейшей тенденцией наполниться национально-культурническим содержанием.

Это в особенности резко бросается в глаза в тех областях культурного строительства, которые охватывают процессы интеллектуального развития на национальной базе, каковы суть: литература, театр, кино и т.п. а также в ряде областей науки, обслуживаемых буржуазно-националистической интеллигенцией, и в литературно-художественной критике, поскольку та же интеллигенция составляет весьма значительную по удельному весу часть актива этих проявлений общественной жизни.

Во всех этих областях на первый план в проблеме культурной революции выдвигаются вопросы якобы "овладения" украинской национальной культурой.

Но на практике художественно-культурные ценности создаются вне живых процессов социалистического строительства и интереса выдвигаемых ими, вне массы и без ее влияния и преподносятся массе лишь для усвоения. Таким образом создается подмена понятия "овладения культурой"; при необходимости усваивать то, что преподносится, не рабочая масса овладевает культурой, а культура эта, проникнутая совершенно явно выраженной безклассовой буржуазно-националистической тенденцией, стремится овладеть психикой аудитории и перестроить ее на свой лад. Боятся явления и иного характера, но пока они не развили такой мощности, чтобы оттеснить указанную основную для данного момента тенденцию.

Ключом к тем настроениям, какие владеют значительной частью украинской интеллигенции и отражаются во всех родах искусства, преподносимой всегда с сигнатурой "пролетарского" или по крайней мере "советского", могут служить мысли и суждения, которые были вылиты на страницах прессы в литературной дискуссии 1925 — 28 г. (см. сборн. "Шляхи розвитку української літератури", інст. Т. Шевченка, кабін. літер. изд. "Укр. Робітник", Харків 1928 г. стр. 376).

Дискуссия была длительная и многословная; наряду с личностной полемической горячностью, изобиловавшая она неясностями, идеологическими зашифровками, передержками, проявленными эклектической эрудицией и идеологической путаницей, условностями терминологии, — но за отсчетом всего этого и расшифровкой нарочитой туманности, стержень ее вырисовывался отчетливо: оперило между собой два устремления развития украинской культуры "Европа" и "Просвіта", разумел под первым — равнение на "широкие пути" европейского развития, на связь с западно-европейской культурой и отнесение от "Москвы" (ХВІЛЬОВИЙ), а под вторым — равнение на внутреннее культуртрегерство и массовизм (ПІДЛИЩЕНКО), причем под "массовизмом" кроется ориентация на крестьянство, как основу культурного строительства.

Даже выступление т.Скрынника, которое дало четкую и правильную оценку уклонам, выявившимся в этой дискуссии, не вскрыло все тактики всей сущности спора до социального дна и до исторических корней. А между тем в исторических аналогиях есть интересные моменты, проливающие свет на туманности дискуссии.

Спор представлял собой продолжение в советских условиях старого (1908-1914) спора двух культурно-политических течений украинской радикальной интеллигенции: "хата" (по имени журнала "Українське Гасло", издававшегося в Киеве в 1910-1914 г.г.) и "радян" (группа газеты "Рада"). Представителями первого течения тогда являлись украинские модернисты-выразители стремлений городского воинствующего национализма - Д.ДАНДОВ, М.ШАПОВАЛО, ЕВШАН, ТОВКАЧІВСЬКИЙ и друг. (ныне эмигранты, основоположники идеологии украинского фашизма). Второе течение представлялось ЕФРЕМОВИМ, ГРУШЕВСЬКИМ и всеми т.н. "радикалами", которые ориентируясь на сельскую интеллигенцию и буржуазию, придерживались политики сотрудничества с либеральными попутническими элементами русской общественности.

Первое же течение отличалось развоя непримиримостью по отношению к русской культуре (отождествляя под этим понятием царизм, черную сотню, буржуазию и пролетариат) и проповедывало как раз ту теорию "борьбы двух культур", которая воскресла в 1925 г. в позициях членов компартии ХВИЛЬОВОГО и ПУМСЬКОГО (ср. "Модерне Москвофільство" М.Донцов 1913 г. Киев, и ряд ст. Хвильового - "Апологети писаризму" в указанном выше сборнике).

Не приходится добавлять, что если социальной стихией, выдвигающей и ныне равнение на крестьянство под вывеской массовизма, является сельская интеллигенция и интеллектуальная верхушка прочно сидящего, приросшего к земле собственника-накопителя, то стихией питающей донцовские корни хвильовизма является урбанизованная интеллигенция, желающая быть гегемоном культурного развития.

В дискуссии ХВИЛЬОВИЙ высказался почти до конца: уши воинствующего национализма, прикрытые классово-терминологической бутафорией и трескучими туманностями, неизбежно должны были показаться в практических выводах, и они выявились в XII ст. ХВИЛЬОВОГО под злобно-повиннистическим заголовком "Московськи задріпанки".

..... Союз все таки залимається союзом, і Україна є самостійна одиниця...

Ми під впливом своєї економіки прикладаємо не "слаб"янофільську теорію самобутності", а теорію комуністичної самостійності. Правда, ця теорія наших москвофілів-авропенків може налякати, але нас, комунарів, вона зовсім не лякає, а навіть-навіпаки РОСІЯ *), ж самостійна ДЕРЖАВА? Самостійна. Ну так і ми САМОСТІЙНА ТОЖ, оскільки наша література стає нарешті, на свій власний шлях розвитку, остільки перед нами стоїть таке питання: на яку із світових літератур вона мусить взяти курс? У ВСЬКОМУ РАЗІ НЕ НА РОСІЙСЬКУ. Це рішучи і без усяких заперечень. Не треба плутати нашого політичного союзу з літературою. Від російської літератури, від її стилів українська поезія мусить якомога швидше тікати. ПОЛЯКИ НИКОЛИ В НЕ, АЛЕ МІШЕВИЧА КОЛИ В ВОНИ НЕ ПОКИНУЛИ ОРІЕНТУВАТИСЬ НА МОСКОВСЬКЕ МИСТЕЦТВО.

..... Ідеї пролетаріату нам і без московського мистецтва відомі, навіпаки-ці ідеї ми, як ПРЕДСТАВНИКИ МОЛОДОЇ НАЦІЇ (подчеркнуто автором) скоріш відчусмо, скоріш вилеємо у відповідні образи. Наша орієнтація-на західно-європейське мистецтво, на його стиль, на його прийоми.

..... Що російська література є одна з найкваліфікованіших літератур-це так. АЛЕ НАШ ШЛЯХ - НЕ ЧЕРЕЗ НЕЇ (подчеркнуто автором). Коли сьогодні московська література-це ті

*) Обращаем внимание здесь и ниже на чисто буржуазную государственно-терминологию. -

*) В этой параллели особенно ярко выпячено чисто донцовское отождествление советской Украины с придуманной национальной Польшей 30-х годов, и советского Союза - с Россией Николая I-го. -

джерела, з яких черпають "європенки" то завтра вони визнають, що М. ЗЕРОВ (націоналіст ярко виражений, неокласик) незрівняно вище стоїть у своїх перекладах російських Жуковських (дир. рец. проф. Вілеського) Нарешті, вони визнають, що кінець прийшов не тільки "малоросійщині українофільству й просвітянству" але й задріпанському московфільству.

Досить "фільствувати" даймо свій власний розум. Коли ми беремо курс на західно-європейське письменство, то не з метою припрятати своє мистецтво до якогось нового заднього воза, а з метою освіжити його від наддушливої атмосфери позадняцтва.

В Європу ми поїдемо вчитись, але з затятою думкою - за кілька років горіти надзвичайним світлом. Чуєте, московфіли з московських задріпанок, чого ми хочемо ?

Все кажущися на перший погляд внутрішні противоречия, рондаємих путанної бутафорської й езоповської термінологією, були в своє врем'я расшифровані критикою, як була вияснена й буржуазно-націоналістическа концепція самостійності, кроющаяся за безсодержательними прикрасами "комунари", "пролетаріат" і т.п. прийомами розговора для посвящених через голову цензури, гриміруючими смисл.

Сам ХВИЛЬОВИЙ наскоро после этих статей, уже в 1928 г. припертий к стенке, сделал жест отказа от своих заблуждений и "стал на колени" (?) перед коммунистической партией "своим письмом в редакцию "Коммуниста".

Однако, преобладающий тон украинской литературы в последующий период и в особенности - характер литературного творчества т.н. "Ваплицян" и близких к ним кругов, а также и характер реакции украинских интеллигентских кругов на те или иные явления в области искусства в этих кругах, во первых, что самораскалание ХВИЛЬОВОГО (кстати, выражение в очень идеологически-навязанной, путанической форме) вряд ли было искренним, и в третьих, что от мешански националистического мироощущения и проведения его в аудиторию через литературные выступления не свободны и представители других литературных т.н. пролетарских группировок, противопоставляющие себя "Ваплице".

Как общий показатель для всех указанных положений за последние три года характерно следующее: в области литературной продукции почти каждое мало мальски выдающееся с формально-качественной стороны явление носило в себе более или менее яркие признаки интеллигентского националистического мироощущения или мелких и сумбурных протестантских оппозиционных шпильек и вылазок, а с другой стороны против линии партии; именно эти произведения сосредотачивали на себе внимание критики (в большинстве благосклонное и рекламное) и жадное внимание интеллигентного читателя.

Вот литературные события, около которых возникал шум, велись разговоры, разгорались страсти. "День Івана Івановича" сатирический рассказ ХВИЛЬОВОГО. Рассказ этот в печати не появлялся. В рукописи автор читал его в литературном клубе им. Блакитного в присутствии человек 150-200 литераторов и журналистов.

"Іван Іванович" сатиры - это член партии, интеллигентный обыватель, карьерист, хорошо примазавшийся чиновник, по существу невежественный, но хитрый очковтиратель и шкурник, со своим смрадным обывательским гнездом, с такими же приятелями и знакомыми, и с полным комплексом пахучих обывательских отношений, до антисемитизма включительно. При этом рассказ скомпанован так, что "Іван Іванович" и ему подобные подаются не как явление на фоне иной действительности, а как ... лиц партии: они заправляют в ячейке, они господа положения, и вообще в рассказе нет ничего и никого, кроме Иванов Ивановичей.

Выступавшие в диспуте литераторы-партийцы - НОВИЦКИЙ, БУРЕР, П. ЛАКИЗ и друг. подвергли рассказ суровой критике, причем первые два отнесли его к категории "пасскайда".

Защитники рассказа выступали неуверенно; смысл их выступлений сводился к защите свободы искусства и к обвинению противников в зажиме, "оглобелости" и "аракчеевщине". Сам ХВИЛЬОВИЙ протестующе молчал, изображая жертву зажима.

Манифестом воиствующего национализма явилась повесть ХВИЛЬОВОГО "Вальдшнепи", начало которой было напечатано в журнале "Ваплиця" за 1927 г. В этой повести в речах демонически-прекрасной фашистки Аглаи и в слабом нарочито бездарном, хныкающем каляканьи "героя революции" "коммуниста" Карамазова, вынужденного соглашаться с подчеркиваемой автором "непреодолимостью" фашистских доводов, пропаганди-

руется мысль о банкротстве классовой социальной революции и о необходимости для всякого частного революционера схватиться за идею "молодой украинской нации".

Вторая часть этого четко фашистского произведения в печати не появилась, хотя была уже набрана и сверстана.

Именно после этого произведения ХВИЛЬОВИЙ, в ответ на ст. в "Коммунисте" (12/1-28 г.) зав. отделом печати ЦК тов. ХВЫЛИ "Від ухилю в прирву прислав из-за границы, где он тогда находился, "отречение" от своих заблуждений. Должно добавить, что письмо это ("Коммунист" 29 2-28 г.) говорит скорее о перепуганности автора или о тактическом маневре, чем об искреннем осознании контр-революционности национализма.

Группа "Валдите" прекратила свое организационное существование. Но внутренняя прочная связь и общность в идеологической окраске ее деятелей остались, и ничто не говорит об отходе виднейших из них от националистического мировосприятия, выраженного в теории "борьбы двух культур". И эта теория, и злобновато-оппозиционная трактовка советской действительности, в осторожной затуманенной эзоповской форме проглядывают почти во всех выступлениях писателей этой группы по сей день.

Вот наиболее характерные примеры: 4худий Хурина - "комедия Минкуліна (1927 г.). Сюжетный план - гоголевского "Ревизора". Общая картина советского порядка и советского аппарата: дураг на дураке, глупо и было и до революции, изменились лишь названия. Строительного фоб на нет: сплошной мир дураков и мошенников. Пьеса опита из сочных в обывательском вкусе анекдотов с явным расчетом на отклик в мешанской среде.

"Народний Малахий" того же автора - еще более хитро построенная аппеляция к обывателю, где представление о столице советской Украины сводится к автокефальной церкви, улице, публичному дому и приемной предсовнаркома, а туманная мистико-анархическая бредовая демагогия на тему: "куда мы пришли"? ловко вкладывается в уста сумасшедшего Малахия Стаканчика, который, в качестве сумасшедшего, безответственен за свои суждения, а в качестве якобы экзальтированного "искателя правды" во всех своих антисоветских колленцах воспринимается обывателем, как выразитель его протеста.

"Мина Мазайло" - последняя пьеса того же автора является наиболее показательным проявлением упорства шовинистической теории "борьбы двух культур" в представлениях известной части украинской интеллигенции. Она вся соткана из извращений, перетасовок и подстановок. Главнейшим фальсификатом является то, что в качестве представителя якобы нашей советской "большевистской линии" в разрешении национального вопроса выставлен будущий "комсомолец", который занимается сравнительным изучением украинских и русских черепов и филологическими доказательствами превосходства украинского языка, горячо декламирует националистические аргументы, т.е. является не только несомненным шовинистом, но и представителем самой глупой, анекдотической разновидности шовинизма. "Комсомольцы" выставлены солидарными с ним, они, кстати сказать, представлены тремя болванами, которые изрекают краткие глупости, подкрепляя их ударами футбольного мяча в пол.

Националистическим мироощущением проникнута новая поэма В. СОСЮРЫ "Мазепа" (Життя й Революція - 1929 г.)

Заметное явление последнего полугодия на литературном горизонте периодического альманаха "Літературний Ярмарок". Печатаются там - без различия группировок, но основа - бывшие "Валитовцы". В художественной части альманаха стержневой установкой не имеет. Содержание пестрое по принципу "кто чем богат". Однако, некоторое подобие строгости дается проходящие через каждую книгу анонимные "Інтермедії", которые в первых двух книгах принадлежали перу ХВИЛЬОВОГО, а в 3-й - ИОГАНСЕНУ. Здесь публицист прячется под маску и колпак ярмарочного шута. Зачем это нужно в советской обстановке? Шут "несерьезен", и потому безответственен. Кроме того шут может говорить притчами, иносказаниями, намеками. Этим флером как бы "вынужденной" эзоповщины подернута болтовня интермедий. В ней много о культуре. Культура беретась как национальный комплекс. Географическое устремление - на запад: "Лопань" - Барзануда, "Золотий Півнік") и в их загадочных намеках читателю предлагается выискивать символы и содержания по вкусу. Надо отметить характерный для оппозиционности и подцензурности прием, который повторяется и в "Інтермедиях" Літературного Ярмарку" и в комедиях

КУЛИША, и во многих других произведениях. Это вкладывание наиболее рискованных авторских мыслей - выпадов по адресу партии и советской власти, насмешек, обывательской демагогии и т.п. - в уста безответственных героев: шута, сумасшедшего, фашистки, напмана, черносотенца. В случае чего, щит для автора: "это же, мол, не я говорю, а сумасшедший, или еще проще, - классовый враг."

Обративший на себя внимание роман "Балдышива Мельпомена" СМОЛИЧА, где изображается крах петлюровской заговорщической группы, носит отпечаток националистического мировоззрения. Типаж побежденных двусмысленный. Это побежденные, обанкротившиеся, но все же - "герои".

Если от произведений, где трактуются национальные мотивы и провозводятся националистические идеи, перейдем к произведениям, затрагивающим советскую социально-строительную действительность, то здесь мы наблюдаем такое явление: более грамотны с формальной стороны произведения, занимающиеся проблемами "разложения" и "упадочничества": "Місто-Підмогильного", - попытка художественной апологии собственного положения. (Студент приезжает в город, учится, становится писателем и разлагается) "Недуга" ПЛУЖНИКА - перепев соответствующих русских образов: "партиз" - "актриса" - разложение.

"Белладонна" МИНКО: краскомы-летчики, их жены - "авіо-дамы", разврат, опозорившие проститутки, и опять атмосфера разложения. Сильный привкус порнографии. "Красные летчики" и "авіо-дамы" - явно описаны с "господ офицеров" и их супруг времён и установки Куприна и Арцыбашева.

Произведения с более или менее выдержанной установкой (советской в подавляющем большинстве) детски слабы со стороны содержания и формы. Изобличая крайне низкий уровень знаний авторов, несвязанность их с изображаемыми жизненными процессами и жалкую претенциозность их, произведения эти не могут imponировать читателю и художественно убеждать его. Таковы "Кучеряві дні" КИРИЛЕНКА, "Без ґрунту" ЕПИКА и друг. Как на характерный показатель нашей бедности в этой области, надо указать на то, что такая крайне убогая вещь - надуманная, крайне узкая по объёму знаний и наблюдений автора вещь с массой неестественных и социально неверных положений, - как "Без ґрунту" Эпика, была компетентными жюри из ХВЫЛИ, КОРЯКА и других награждена на конкурсе первой премией, а рабочие заводов, где ее попытались популяризовать, как образец "продетарской" литературы, разругали ее на чем свет стоит, проявив гораздо больше классового и художественного чутья, чем компетентное жюри.

Здесь мы подходим к вопросу о критике. Но прежде чем перейти к ней, упомянем об идеологическом содержании работы театра и кино. "Березиль" (театр новых форм) настойчиво рекомендуемый прессой рабочим массам как "революционный театр" усердно, с увлечением и талантливо оформляет такие вещи, как охарактеризованные выше "Народний Мажик" и "Мина Мазайло" или пустейшее обывательское ревю "Алло на хвилі 477".

Ясно, что если театр является "революционным" (точнее - новым) по методам оформления, то в отношении содержания его работы в определении и пропаганде его, как "революционного" театра мы снова видим подстановку понятий.

Опера, - и в переделках и в оригиналах, - держит равнение на национальную романтику ("Русалка", "Тарас Бульба"). О "законности" именно этого пути развития уверенно заявлял в политпросветкомиссии Горьковского совета директор оперы Воробьев, отвечая на обвинения в несоветском характере репертуара и в консервативности оперы.

Кино - (ВУФКУ) дало за последнее время две заметные вещи: "Звенигора" и "Арсенал". В первой из них, в особенности ярко выявлены попытки приспособления к советской действительности идеи "нации". Фильм - советский по намерениям и замыслу; но так как автору чужд классовый подход к понятиям "нации" и "национальной" культуры, то его "Украина" все же получилась чем то национально-единым в веках, а символика фильма, который вышел таким образом по существу украинско-сменовеховским, отражающим просто смену национальной ориентации на советскую, осталась непонятной подавляющим массам аудитории, хотя критика восторженно рекламировала этот фильм и авансом и после появления на экране.

"Арсенал" гораздо более насыщен классовым содержанием, чем повисло его ценностное и восприимчивость.

Как видим, наиболее яркие произведения искусства носят совершенно определенный отпечаток интеллигентско-буржуазной трактовки национального бытия и национальной культуры. И с другой стороны - тематика наиболее квалифицированных писателей обходя или не замечая

ний живого социального строительства.

Равнодушие писателей к социалистически-строительной тематике не ограничивается впрочем кругом беспартийных писателей: оно ~~увязывается~~ с характерной чертой, общей многим украинским писателям, журналистам и работникам аппарата (включая и некоторых коммунистов) — с полным равнодушием к вопросам внутрипартийным, строительным и организационным, к конкретным вопросам социалистического строительства, с крайней дипломатической осторожностью в суждениях и безразличием к сути борьбы с правым и левым уклонами и т.п.; только национальный вопрос, — и то с настороженным и предвзятым и настороженным, с постоянной склонностью находить проявления великодержавного шовинизма, — это единственная область, возбуждающая живую и страстную реакцию в писательской среде.

Оттенки и степени равнодушия к живым и реальным вопросам социального порядка многоразличны: у некоторых (ХВИЛЬОВИЙ, КУЛІШ, ДОСВІТНІЙ, СОСЮРА и др.) оно выявляется в полном отсутствии, как партийной работы, так и интереса к ней и в постоянно подчеркнутом "чуждом" наблюдательски-проницательном отношении к самым жгучим вопросам волнующим партию и рабочий класс. У других (наиболее распространенный тип) оно выражается в казенном отбывании повинности. Общее впечатление таково, как будто живые вопросы социалистического строительства для этой публики "не наше дело". Очень низок в писательской среде и уровень политических знаний; в большинстве он ограничивается несколькими давно заученными общими лозунгами; у подавляющего большинства отсутствует умение разбираться в сложности современных социальных отношений; и в связи с этим характерным для людей этой среды является осторожно-дипломатическое поведение везде, где речь заходит на актуальные политические темы. Зато — напряженным вниманием к личностям, "великим в верхах", личным комбинациям, связям, влияниям и т.д. Это — партикуляризм, характерный для мелкобуржуазного политиканства. Очень распространен он, кроме писательской среды, еще среди работников просвещения и науки.

Но, если в среде работников, не выступающих перед широкой общественностью, это сторонне-наблюдательское отношение, не бросается в глаза, затуманенное особенностями ведомственности или домашнего быта, то в литературе оно само по себе представляется определяющим признаком.

Как же относится к этим явлениям критика? Дает ли она анализ их, помогает ли аудитории разобраться в мысли и классовой тенденции каждого данного произведения искусства?

Этой задачи критика, в том числе и т.н. "марксистская", почти не выполняет. Отдельные попытки подхода к литературным произведениям с марксистским анализом и с критерием социалистически-строительной целесообразности (Б. КОВАЛЕНКО, Н. НОВИЦКИЙ) иногда ~~КОРЯК, МАШКІ~~ звучат одиноко и наталкиваются на подозрительное и недоброжелательное отношение как со стороны писателей, так и со стороны других критиков, в том числе и членов партии.

Значительная часть литературных критиков принадлежит к тем же литературным группировкам, на которые разбиты и писатели (быв. "Вперед", ВУСП, "Молодія", "Нова Генерація", "Авангард") этим обуславливается явление группового пристрастия.

Но кроме этого, наблюдается и явление более глубокого характера: это тенденция показывать украинскую литературу в основном массово непременно как "пролетарскую" или по крайней мере "советскую" даже в тех случаях, когда ее явления ничего общего с интересами пролетариата и советского строительства не имеют. Отсюда крайняя осторожность, как бы створенность в выступлениях критики, отсюда любопытное явление, что критики, как будто бы уговорились критиковать лишь до известного предела, избегая точных формулировок, обходя острые углы, избегая ставить точки над "і" в сомнительных случаях. Вот это как раз производит впечатление какой-то национальной солидарности, которая правалирует над классовым и партийным ходом.

Обычные приемы такой критики от которых не свободны и критики член партии: "пролетарское" толкование, иной раз вопреки очевидной истине, произведений и авторов, которым надо создать популярность; замалчивание и затуманивание враждебных и вредных моментов в разбираемых произведениях; провозглашение писателей "гениями", раздувание пустяков и даже просто ненужных вещей до масштаба "мировых явлений"; "эпохальных произведений" и т.п.; дутая, предварительная реклама имеющих выйти произведений; сильная травля и попытки дискредитиро-

вать тех критиков, которые нарушают ансамбль, с обвинениями их в "напостовстве", в нарушении завета Ленина, что одними своими руками мы социализма не построим, и т.п.

Вот примеры:

С горячей аналогией "Худіа Хурини" КУЛИША выступил в "Коммунисте" Андрей РИЧИЦКИЙ, причем доказывал, что произведение по ценности равно "Ревизору", умалчивая, однако, что "Ревизор" был по строю крепостной России, а медико-бытоваяская демагогия анекдотами КУЛИША направлена против нашего строя.

Когда вышла "Соняшна Машина" ВИНИЧЕНКА - сумбурнейший, ярко-эсеровский ультра-мещанский апофеоз буржуазной интеллигенции, призванной спасти мир без всяких классовых революций - была организована кричащая предварительная реклама диспутами в интеллигентских клубах (Работягоса и журналистов); при этом критик ДЕСНЯК (член партии) с проф. Белецким, который со своей стороны, мотивируя высокую положительную оценку "Соняшной Машины" говорил, что "читателям надо-есть тенденциозные произведения с незамысловатыми да куркулями и, что выразил солидарность с Виниченком по вопросу о роли интеллигенции как вождя масс, и рядом весьма сомнительных полемических приемов по адресу марксистской критики эмигрируя перед интеллигентской частью аудитории, стужал аплодисменты петлюровски и эсеровски настроенной части интеллигенции, битком наполнявшей залы диспутов.

Насколько можно было судить по разговорам украинских литераторов, целью диспутов было внушить настроение, что "Виниченко - наш". Реклама имела временный успех: библиотеки не успевали удовлетворять спрос на "Соняшну Машину". Роман был переведен на русский яз. Но интерес упал сразу, как только зашумел рекламный шум, - ибо само произведение - претенциозно мещанское и к тому же вопиюще длинное и скучное (вопреки утверждениям хвалебной критики) само отбило читателя.

Очень показательны литературные события в связи с появлением комедии КУЛИША "Мина Мазайло": в "Комсомольце Украины" и "Вечернем Радио" на пьесу появились хвалебно безграмотные рецензии; в крупных газетах Харькова и Киева (Вісти, Коммунист, Харьковский Пролетарий, Пролетарская Правда, Вечерний Киев) рецензии о самой пьесе резко отрицательные в отношении ее идеологического существа. И вот около последних рецензий 22 апреля в клубе "Блакитного" разыгрывается грязнейший, но и показательный, скандал: скандала показательно не только то, что КУЛИШ, назвавший Кас-дженки и Костя Котка (авторов рецензий) в Вістях и "Коммунисте") "говнюнками", потом на закрытом заседании фракции жидкоона "Слово" ругал всех отвратительной матерной бранью, при поддержке ХВИЛЬОВОГО, - это являлось лишь показателем грязной личностно-мещанской сущности самого писателя, и внимание брошенные одним из них слова: "Пользуются тем, что хозяина дома нет", в какой ранилке ясно виден намек на то, что в числе "отсутствующих из дома" обвиненный критиком писатель, точнее - его группа, имеет сильных покровителей и защитников.

Характерно и то, что присутствовавшие на заседании I КУЛИШ (редактор Червоного Шляху, зам. упол. наркоминдела) и А. РИЧИЦКИЙ всячески старались найти половинчатый выход, затупевать общественный смысл худиганской выходки КУЛИША и свести дело к личному недоразумению, с тенденцией даже обвинить обруганных в травле КУЛИША. Идея писателя в данном случае вызван резким нарушением давно установленной традиции национально-группового пристрастия критики по отношению к авторам и их литературным произведениям. Примеров же такого пристрастия в прошлом и в настоящем можно было бы привести десятки. Они вызвали даже робкую и половинчатую попытку раскрыть это зло, в виде статьи Е. КАСЬЯНИЕНКА "Кругом порука", которая к стати скандальней. Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров. "Ганним" в свое время провозглашен был грязный порнограф, и петлюровец по политическим настроениям, В. ПОЛИЩУК, при чем этикетка "пролетарского поэта" красуется на нем и поныне. В качестве "гения" рекламировались и сейчас еще рекламируются ХВИЛЬОВИЙ, ДОСВІТНИЙ (автор калытурно-парлатанских, крайне политически безграмотных "романов" "Американци", "Тюнгуй" и друг.), СОСРА и многие другие, при чем созданная им популярность имен, в качестве "пролетарских писателей" служит им и сейчас защитным обмундированием для литературной деятельности

определенно буржуазно-националистического уклона.

Есть что-то припрятываемое, что соединяет в особую группу значительную часть украинских писательских кадров, не исключая и некоторых членов партии. И это "что-то" не исчерпывается общностью языка.

Некоторый свет из сущности этой связи проливает мало-понятное на первый взгляд взрыв оживления и разговоры, возникшие вокруг фильма "Арсенал".

Еще после первого просмотра картины в "Комсомольце Украины" появилась весьма односторонняя анкета о ней: В. ПОЛИЩУК и другие давали резко-оценительную оценку фильму, упирая на то, что в нем карикатурно изображена центральная рада и недооценена ее революционная роль. На эти определенно националистические выступления непосредственного отклика в прессе не последовало, т.к. сделано было указание не писать об "Арсенале" до окончательного просмотра. Получилась неловкость: на страницах комсомольского органа высказались националисты, как бы "задали тон" и затем — молчание.

После окончательного просмотра, в "Літер. і Мистецтво" (прилож. к "Вістям") появилось две статьи с положительной оценкой фильма; при этом в статье І. КИРИЛЕНКА, довольно примитивно и без особой точности в политических формулировках, но в основных чертах правильно разбравшей фильм по содержанию, было указано, что фильм правильно расценивает Раду, как выразительницу интересов украинского кулачества и националистической интеллигенции, а ее политический актив, как прапорщиков, гимназистов, студентов и маменькиных сынков.

На другой же день в литературных кругах пополнили зловредные слухи: "Вістям" влетит. Политическая безграмотность недооценка национального вопроса и революционного значения Укр. Центр. Рады.

Стало известно (сообщил НАСЪЯНЕНКО), что т. ХВЫЛЯ пишет громоздкую статью в "Коммунисте" против "Вістей", клеймящую указание "недооценки". Еще позднее стало известно, что статья была им написана, что т. ХВЫЛЯ прочитал ее т. ЛЮБЧЕНКО П., и последний не разрешил тов. ХВЫЛЕ славить эту статью, а решено поручить написание статьи тов. І. КУЛИКУ.

Действительно в "Коммунисте" 7 апреля появилась статья за подписью І. КУЛИКА, где автор доказывал, что КИРИЛЕНКО и редакция "Д.І.М." проявили безграмотность и недосмотр, что не только кулаки и интеллигенты составляли силу Центральной Рады, но за ними шло крестьянство, и что крестьянство шло с Радой и Петлюрой не против немцев, забравших хлеб, как утверждал КИРИЛЕНКО, а именно под лозунгами национального освобождения.

Автор указывает, что сам Ленин откликаясь на первый универсал Рады, — "констатирует наличие уже в то время массового национально-го движения на Украине, ДВИЖЕНИЯ, КОТОРОЕ ОХВАТИЛО (мы это ТЕПЕРЬ, в ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ ясно видим и понимаем) ШИРОКИЕ МАСШЫ КРЕСТЬЯНСТВА".

Оперируя далее выдержками из т. Скрыпника и придавая им расширительное толкование, автор приходит к выводу, что уже на початках) революції 1917 р. на первых її кроках виявив себе потужний і масовий національний рух, що не обмежувався студентами куркулівками, а охоплював досить широкі шари українського селянства і навіть, — навіть в значно меншій мірі, — що правда-робітництва.

..... Сила Ради полягала не стільки в самому куркульстві, скільки в тих досить широких селянських масах, що їх вели за собою "глитайська верхівка", "глитайська інтелігенція" куркулівки, студенти то-що, висувачи національні гасла, приваблюючи для мас, замучених сторіччям національної неволі".

Не трудно заметить, внимательно изучая, как цитируемые КУЛИКОМ статьи Ленина и Скрыпника, так и толкование выдержек из них І. КУЛИКА, что в последнем имеются элементы "ретушировки", перенесения светотеней, перенесения ударений с социальной первопричины на внешнее лозунговое оформление событий; автор отбрасывает на задний план аграрные надежды крестьянства, удовлетворение которых сулила эсеровская программа, слабую политическую осведомленность тогдашнего крестьянства, инерцию, которая двигала еще не домобилизованными, не сбросившими шинелей, наспех "национализированными" войскими частями, и мн. др. важнейшие факторы, а на первый план выдвигает "замученность" крестьянства национальным угнетением", которое таким образом, выставляется как основная обида и боль крестьянства, закрывающая обиды и требования социальные.

и и действиях интеллигентских звеньев аппарата на практике, наиболее

И самое стремление "переместить ударение" с социального фактора на национальный, и в особенности, выполненная торопливость и тайни-
давшаяся это выступление, указывают на существование стремления
теоретически подчеркнуть и закрепить положение, что именно кре-
стьянство является той силой, которая выдвигает и как бы идеологи-
чески уполномочивает интеллигенцию формулировать и предоставлять
требования "нации в целом", как категории "надклассовой".

Недостаток марксистско-ленинских сил в критике, слабая работа
имеющихся, наличие в среде критиков, именуемых марксистами, и у не-
более чем снисходительного отношения к буржуазному истолкованию по-
нятия "усовенция национальной культуры" /что отражается в академи-
чески-примиренческом тоне даже такого марксистского по заданию жу-
риала, как "Критика"/ дает в результате густую насыщенность нашего
идеологического фронта элементами четко-выраженных националистиче-
ских тенденций: густые кадры националистически-настроенных писате-
лей, критиков, переводчиков и технических работников группируются
около ДВУ и "Книгоспілки" — главных издательств, не говоря уже о
частных — "Сайбо", "Рух" и др.; через эти издательства /главным об-
разом через ДВУ/, а также через об"единение драматургов ВУАРДИС и
альманах "Литература. Ярмарок" проводится деятельность бывш. "Валлиге",
которая как видим из приведенных фактов, не введена в направляющее
русло и далеко не соответствует вывеске "пролетарской литературы";
через это же силы проходит и литературная украинизаторская работа,
преподавание литературы в Высшей и средней школе, редакция классиков,
отбор образцов и большинство критических комментариев к издаваемым
материалам.

Насколько недоуменное впечатление производит в рабочей среде
культурно-национальный безклассовый характер издательской работы на
художественно-литературных ее участках и насколько он извращает в
массе представление об украинизации, можно судить по письму, полу-
ченному в редакции одного журнала от рабочего наборщика; автор
возмущается холопски религиозным духом и установкой, которым про-
никнуто творчество Квітки и недоумевает, зачем нам нужны такие
произведения, когда мы боремся с религией?

Рабочий, видимо, не дочитал Квітку, иначе он заметил бы в
творчестве этого писателя и апологию крепостного права, и идеалы
кулачества, и беззаветный кулацко-помещичий монархизм, и царские
в большинстве /подавляющее/ буржуазным националистам разных от-
тенков /Шайрай, Дорошекивич, Плевзак, Зеров, Гермайзе /у.с.д./ и проч.т.п./
преобладают националистические пафосы по адресу данного писа-
теля, выпячивание ценности его "вклада в нац. культ. сокровища" и
не только отсутствует толковый социологический разбор классика на
фоне его эпохи и ее классовых взаимоотношений, но не указывается
даже, зачем мы изучаем старую литературу, и что она нам дает.

Перепополненностью издательского аппарата националистическими
элементами и благословляюще-покровительственным отношением к ним
части руководящих работников можно об"яснить и такие вещи, как
издание мешанской утопии "Соняшной машини", за которую эмигранту-
автору заплачено больше 10.000 руб., в то время, как литература по
вопросам текущего строительства живет огромными переизданиями.

Перепополнение просветительного аппарата /в особенности органов
НКО/ буржуазно-националистическими мыслящими элементами благоприят-
ствует и мешанскому сужению в практике задач украинизации, где ши-
рокая и глубокая ленинская проблема "строительства украинской
культуры-национальной по ее языку, форме и материалам и коллекти-
вистической и интернациональной по ее содержанию /см. революцию
X съезда НКО/, — сплошь и рядом приобретает тенденцию сведения к
борьбе с частными случаями ассимиляции, к противопоставлению украин-
ской и русской культур, к продвижению в массу национальной романтики
под вывеской "культурного наследия", к механической украинизации
чиновников и т.п. проявлениям, не имеющим никакого отношения к актив-
ным задачам пролетариата в украинизации.

И показателям националистического извращения задач украинизации
надо отнести и распространенное в интеллигентских кругах и раз-
деляемое многими членами партии-украинцами стремление присоединить
к Украине соседние уезды Курской губ., Воронежской губ., Вубани,
проповедь культурно-колониаторской миссии Украины по отношению к
Дальнему Востоку /см. брош. Глуздовского "Поша Украина", изд. "Книго-
спілки"/ и т.п.

В общем в вопросах украинизации, как они переломляются в созна-
нии и действиях интеллигентских звеньев аппарата на практике, наиболее

11/29
ярко выявляется та же мелкобуржуазно-националистическая теория "борьбы двух культур", которая контрабандными путями пытается найти свое влияние и в литературе. При этом необходимо подчеркнуть, что главным навозом для них служат проявления сознательного и бессознательного великодержавного российского шовинизма, вражды к украинизации и пренебрежения к ней, а также близко родственные ему проявления тупого, меньшевистского по сути, непонимания национальной политики партии и легкомысленной недооценки значения национального вопроса. Именно в этих проявлениях украинские шовинисты ищут материалов для подкрепления своих основных тезисов о "единстве национальной культуры" и национальных стремлений независимо от классовой принадлежности.

Однако, это только навоз, или в ином аспекте, другая сторона национализма: корень шовинизма украинской интеллигенции и "теории борьбы двух культур", как его теоретического обоснования гораздо глубже: он в стремлении украинской национальной интеллигенции подменить собою пролетариат в его исторической роли, играть так или иначе ведущую роль по отношению к крестьянину, или, по меньшей мере, стать между пролетариатом и крестьянством хотя бы в роли передатчика и истолкователя, т.е. опять таки непосредственного водителя.

В литературе его стремление проявляется различно — от злобной непримиримости Карамазова-Хвильдова до крикливо-кулацких юмористически-наблюдательских установок Остапа Вишни, подмазанных для репрессии и цензуры, примитивными славословиями по адресу органов и персон-носителей советской власти.

В интеллигентской же культурно-строительной практике оно проявляется в систематической подмене содержания выдвигаемых нами лозунгов и задач. Стремление к таким подменам легко заметить во всех приведенных выше типичных примерах текущей культурно-строительной практики. Все частные виды таких стремлений к подмене можно свести к двум основным и главнейшим: 1/ стремление к подмене пролетариата в его водительской, украинской урбанизирующейся интеллигенцией, растущей из городского мелкобуржуазного и верхушечного крестьянства, 2/ стремление к подмене большевистского понятия украинской по форме, языку и материалу и классовой интернациональной социалистически-строительной по содержанию, культуры — мелко буржуазным понятием культуры национальной, внеклассовой по форме и по содержанию.

Такое стремление оуществует, и пока не встречает достаточного стройно организованного идеологического противодействия, да и не может пока его встретить, т.к. на многих ответственных пунктах идеологически-воспитательной работы имеются лица, сочувствующие в той или иной мере этим стремлениям, покровительствующие и способствующие им.

Чтобы обяснить это явление, необходимо вспомнить, что активными работниками в области проведения украинской культуры являются в громадном большинстве, товарищи, прошедшие школу борьбы за украинизацию и вступающие в революцию под националистическими лозунгами. Подавляющее большинство этих товарищей и по социальному происхождению /выходят из мелко-буржуазии, интеллигенции и верхушечного крестьянства/, не имели возможности выработать в себе классового интернационалистического инстинкта, который оберегает рабочего от воздействия националистической идеологии.

В партию эти элементы вступали в очень сложной обстановке, банкротства и поражения всего сложного переплетения ориентаций мелкобуржуазии; в обстановке, обуславливавшей широкую волну украинского сменовеховства, нашедшего свое претворение и в национально-социалистических кругах /У.С.Д.левые эс-эры, боротьбисты, укуписты/.

Настроение, с какими украинская национально-социалистическая интеллигенция оставляла мечты о самостоятельном национал-соглашательском водительстве украинскими трудовыми массами, ярко отражено в статье А.Ричицкого — "До Єдиної партії", напечатанной в качестве как бы исторического документа в журнале "Вільшовик" за 1925 г. кн. 2-3. Статья заслуживает очень внимательного изучения и сопоставления ее положений с теми тенденциями подтановок и подмен в культурно-строительной практике, какие отмечены выше.

Содержа внешние выражения покорности и подчинения постановлению Исполкома Коминтерна о роспуске УНП, статья проникнута крайне недоверчивым отношением к МПБУ и, вопреки тут же имеющимся заверениям в отсутствии и недопущении фракционности, дышет четко фракционным настроением.

Вот очень характерная выдержка из выводов этой статьи.

"З чим-же ми йдемо до КП/б/У? Який 1 денний багаж тягнемо за собою і які настанови свої приносимо?"

Говоримо ми просто, без прихованих думок і намірів, яких у нас

ає, але й без ілізій.
ми не каємося за те, що струмись політичного руху українського пролетаріату на протязі 25-літньої минувшини тече окремо від того, що дав широку річку КПСУ. Ми не вважаємо, що весь той історичний процес, який ідеологічно виявляла наша партія, сама переходячи в цій процесі через різні перетворення, - вносить цей процес є цілковита помилка, якесь історично непорозуміння. Не політичними безбачченками йдемо ми до КП/б/У, ідемо історично нерозкаяними грішниками, не оглядаючи прах од ніг своїх і не обмивши себе всі свої "україністи" гріхи.
..... Правда, ми чудесно розуміємо, що в КПСУ нам ще якийсь час доведеться бути не зовсім своїми людьми, що там ще не так зникнут проти настрої, витворені минулою боротьбою й трактовкою УКП, почасти й пережитками русьтязства...

Характерно, як показатель внутрішнього близького родства этой группы с националистической общественностью, и болезненно-чуткое внимание ее к мнению буржуазно-националистических кругов о шаге вхождения укаїстов в КПСУ.

На такі настрої в КП/б/У розраховує як-раз і різна буржуазно-націоналістична братія з кола так званого "українського громадянства" бо вона дуже хоче, щоб із постанови Виконкому Комінтерну і з нашого зліття нічого путнього не вишло. Ми вже чуємо злоріднісі нашіптування з цього табору, що постанова Комінтерну, - це тільки пуста декларація, шпальота паперу, що укаїстів покидають, що їм роботи не дадуть і т.інш.

В этой цитате легко заметить и оттенок в какого-то "сознания вины" перед более правыми нац. элементами и... собственные опасения. Характерен и осторожный.....

"Р.С. Статтю писано в період між постановою Виконкому Комінтерну і ліквідаційним з'їздом УКП /лютий 25 року/ і вона відсвічує погляди і настрої провідних осередків з УКП того часу. Через це проглядаючи її тепер /липень-25 р./, щоб задати до друку, я не змінив майже нічого, подаючи її до уваги читачів, як один з останніх документів пережитого етапу.

Примечание, как видим, глухое: оно не содержит главного для таких документов элемента-отказа от четко-фракционных настроений, выраженных в декларации.

События и явления последовавших лет /шумокизм-хвилюнизм, исторические извращения в учебниках Яворского, указанные выше тенденции/ заставляют предполагать, что настроения эти не изжиты по ныне.

Имеют ли эти настроения какое бы то ни было организационное оформление?

Бытовая и деловая связь /цепочка дружественных, домашних, служебно-протекционных и иных связей с националистически мыслящими элементами интеллигенции/ несомненно имеется. Что касается более ответственных и четких форм, то этот вопрос требует глубокого специального изучения.

Намек на возможность существования такого оформления имеются. Так по поводу отдельных расхождений, придинок, травли В. Масьяненко выразился как-то: "что за странность - своим человеком считается только тот, кто прошел определенную политическую школу." В дурбий раз /1927 г./ он проронил даже такую разв'язку /о Досвітньому/ - "Он же у них КК". В бытовых разговорах в литературной среде можно заметить такие выражения, как "это свой человек", в понимании отношения к национальному вопросу, слишком близкое, доверчивое отношение к лицам из группы "бб" /интеллигенция, ставшая на сов. платформу/.

Однако, это обрывки намеков, которые должны лишь обострить внимание и к вопросу. Работа же над изучением его нужна более глубокая и все-сторонняя. -